

Натаалья Солнцева

Последняя трапеза бауницы

Наталья Солнцева
Последняя трапеца блудницы
Серия «Артефакт – детектив. Астра Ельцова», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206568
Последняя трапеца блудницы: [роман] /Наталья Солнцева: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080948-6

Аннотация

Первая любовь... Такое фантастическое чувство! Жаль, что она уходит, оставляя лишь горьковатый привкус и ощущение так и несостоявшегося счастья.

Но иногда эта первая несчастная любовь все переворачивает и превращает человека в Демона. Страсти бушуют, ищут выход, меняют розовый цвет влюбленности на грязно-зеленый цвет зависти и злобы.

Художник смешивает краски и рисует не портрет, а душу.

Сфинкс выползает из мифических преданий и начинает загадывать загадки...

А люди умирают от «укуса пчелы» в сумасшедшем хороводе бабочек и лилий...

Книга также выходила под названием «Загадка последнего Сфинкса».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Солнцева

Последняя трапеза блудницы

© Солнцева Н., 2013

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя.

И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.

Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Злой Сфинкс! Злой Сфинкс!

Уже с веслом

Старик Харон стоит в надежде

И ждет...

Оскар Уайльд

Глава 1

Когда оно появилось, существо с телом зверя и головой человека? Оно приходит из другого мира и поселяется рядом... Сначала оно спит. Потом что-то пробуждает его... и оно встает на дыбы.

У него может быть тело льва или леопарда, крылья птицы, лицо прекрасной женщины или мудрого мужчины, но всегда – длинные острые когти. Оно всегда готово убивать... для этого боги и послали чудовище в мир людей. Чтобы сеять страх и смерть...

Оно поет дивные песни, его ласки нежны, а посулы сладкоречивы. Но наступает час... и оно требует жертв.

* * *

Москва

Людмила Никонова, мать известного скрипача Власа Никонова, смотрела телевизор. На ее руках мурлыкала кошка Джерри.

– Скоро будут показывать нашего мальчика, – сказала Людмила Романовна, почесывая кошку за ушами. – Его сольный концерт. Тебе нравится Паганини? А Мендельсон?

Джерри подняла вытянутую породистую мордочку, отозвалась мелодичным «мяу». Она понимала, что хозяйке больше не с кем поделиться радостью.

Госпожа Никонова всю жизнь посвятила сыну, сделала из него выдающегося музыканта, виртуоза, который ездил с гастрольями по всему миру, выступал в лучших концертных залах. И осталась совсем одна...

Влас прокладывал себе дорогу к славе, самозабвенно отдавался музыке, репетировал, месяцами пропадал в других городах, в чужих странах. Звонил все реже, не писал вовсе. Людмила Романовна не обижалась. Когда ему? Зато сын отовсюду привозил ей подарки и сувениры – французские духи из Парижа, натуральную косметику из Германии, элегантную сумочку из Вены. Мальчику давно стало тесно в их двухкомнатной малогабаритной квартирке, и он снял большие апартаменты с роялем неподалеку от консерватории. А в последнее время, приезжая в Москву, останавливался у тещи, бывшей оперной примы Олениной.

– Не хочу тебя стеснять, мам, – объяснил он Людмиле Романовне.

Эту деликатность она сама воспитала в нем.

Молодая жена Власа казалась избалованной белоручкой, капризной и эгоистичной. «Рядом с таким человеком, как мой сын, должна быть самоотверженная, преданная его таланту женщина. А эта смазливая девчонка годится разве что для постели», – тайком вздыхала Людмила Романовна. Но высказывать свои мысли вслух не смела. Раз уж Влас женился на ней, ему виднее. Она благосклонно приняла Дину и ни словом, ни жестом не выдавала своего истинного отношения к невестке. А когда узнала, что у молодой пары скоро появится ребенок, возликовала. Наконец, и ей найдется дело: будет нянчить внука или внучку, заботиться о малыше... если Дина позволит.

Временами на Никонову накатывала непонятная грусть, особенно в ненастные зимние дни и долгие вьюжные ночи: хотелось плакать, жаловаться кому-то близкому, любящему, сетовать на судьбу. «Кошунство! – обрывала себя Людмила Романовна. – Мне ли быть недовольной? Мне ли бога гневить? Ведь я вырастила сына, которому рукоплещут восхищенные зрители! Музыканта, который покоряет сердца тысяч людей!» И она успокаивалась... засыпала под монотонный свист ветра.

Когда-то Люся сама мечтала о сцене... не сложилось. И в любви ей не повезло. Всё, чем она жила и дышала, был Влас. На него она молилась, на него уповала...

До концерта оставалось еще полчаса. В ожидании сладостных минут, когда на голубом экране появится ее дорогой мальчик, проведет по струнам колдовским смычком, извлекая из скрипки дивные, невыносимо прекрасные звуки, Людмила Романовна смотрела какую-то скучную передачу.

Бородатый ведущий рассказывал о странных явлениях, от которых официальная наука привыкла отмахиваться, а большинство людей предпочитают не замечать.

– Всё же находятся энтузиасты, готовые смело вторгаться в область непознанного! – с пафосом воскликнул он. – Пионеры паранормального мира пришли сегодня к нам в студию, чтобы дать несколько полезных советов телезрителям. Задавайте ваши вопросы!

В кадре побежала строка с номерами телефонов.

Госпожа Никонова отвлеклась: пошла в кухню, насыпала Джерри сухого корма и налила себе чаю. Кошка с аппетитом захрустела угощением, а хозяйка с чашкой и куском кекса вернулась к телевизору.

Какая-то пожилая дама дозвонилась на передачу и с увлечением рассказывала о том, как, спускаясь на эскалаторе в метро, увидела на другом эскалаторе поднимающуюся вверх точную копию себя.

– Она была в таком же пальто, как у меня, – возбужденно тараторила дама. – В такой же шляпке! Я просто оторопела... потеряла дар речи!

«Это пошло бы тебе на пользу, – неприязненно подумала госпожа Никонова. – Делать людям нечего, вот и звонят на телевидение. Развлекаются!»

– В последнее время в больших городах, Москве и Санкт-Петербурге, начали появляться двойники, – обрадованно заявил один из «пионеров». И пошел развивать заданную тему. – Люди, кто с ужасом, кто с интересом, замечают себе подобных в метро, в театре или на вокзале, в автобусах и троллейбусах... где угодно. Нашествие двойников списывают на игру воображения, переутомление психики в стрессовых условиях мегаполиса, на галлюцинации и некоторые иные причины. Об этом стараются не говорить, не думать, не спрашивать... А зря! Отчасти придавать значение таким вещам бывает опасно. Отчасти – безответственно. Как явление ситуация с двойниками может быть интересна и для естествоиспытателя, и для исследователя *полтергейста* и разных загадочных происшествий...

Людмила Романовна опять отвлеклась. Достала из серванта вазочку с конфетами: ей захотелось сладкого. Раньше она во всем себе отказывала, отдавая лучший кусочек, лучшее лакомство сыну. При ее скудном достатке покупать хорошие продукты на всех возможности не было.

Между тем в телевизионную беседу вступил второй гость студии.

– Мы наблюдаем тенденцию возникновения «проходов» из одной реальности в другую, – объяснил он. – Люди порой сами, не желая того, способствуют проникновению существ из иного мира в повседневную действительность и свое окружение. Так называемой *точкой входа* могут быть зеркала, предметы отправления магических культов и даже изображения, в которых заключена тайная символика. Например, фигурки языческих богов, камни из древних храмов или облик всеми любимого, намозолившего глаза в туристических проспектах Большого Сфинкса...

«Какая ерунда!» – подумала Людмила Романовна и невольно перевела взгляд на стену. Там висело тростниковое панно, привезенное Власом ей в подарок из Египта: пески, пирамиды вдали и горделиво вззирающий на восходящее солнце Сфинкс.

– Что за глупости? Подобных вещей пруд пруди в магазинах, в каждом доме, – прошептала она. – Модные украшения интерьера!

И ощутила в сердце глухую ноющую боль...

* * *

Богучаны

Астра Ельцова жила в Богучанах, словно в другом измерении. Далеко, где-то в снах о прошлом, остались многолюдная Москва, городская квартира, загородный дом родителей... Двоюродная сестра Катя приходила раза два в неделю, приносила мед, соленую рыбу или пироги с ягодами. Садилась за стол, подперев рукой щеку, просила:

– Расскажи о Москве. Красиво там, да? А ты в Большом была? А в ресторане? А в казино?

Астра отнекивалась, отмахивалась:

– Приедешь, сама посмотришь.

– Когда это будет? До отпуска еще ого-го!

В сильные снегопады часто отключали свет, и Астра купила целую коробку свечей, расставила их повсюду и зажигала, чувствуя себя отшельницей, затерянной в непроходимом лесу. Огонь тихо гудел в печи, за стенами бесновалась вьюга, замаячивая дороги, дворы и дома. По утрам поселок просыпался белым, в бледное морозное небо поднимался дым из труб, потрескивали заледенелые деревья, шаркали лопаты – жители отбрасывали снег от дверей. Лениво лаяли собаки, едва высовываясь из будок.

День пролетал быстро, по-зимнему короткий, озаренный скупым январским солнцем, плавно переходил в сумерки. Вечером Катя возвращалась из магазина, где она работала продавщицей, иногда заглядывала на огонек. Снимала полушубок, пуховый платок, удивлялась:

– Зачем столько свечек? Экономить надо.

– Я огонь люблю, – объясняла Астра.

Они сидели рядышком и зачарованно смотрели на язычки пламени. На бревенчатых стенах дрожали тени. За покрытыми инеем стеклами проступала синяя ночь, стенал ветер, глухо шумел вековой лес.

Катя ставила на печку железный чайник, насыпала в чашки заварку. Ее жизнь была проста, незамысловата: работа, магазин, дом, летом – огород.

– Без огорода не выживешь, – говорила она. – Чем кроликов кормить, козу, кур? Продукты страсть какие дорогие. Бабка совсем плоха стала, слегла, а лекарства нынче кусаются. В аптеку зайдешь – ползарплаты оставишь.

Астра терпеливо выслушивала, не возражала, но и не поддакивала. Каждый живет как может, как умеет. Нытье Катерины, здоровой, цветущей девицы на выданье, вызывало у нее недоумение. Со своей стороны, та не понимала Астру. Зачем она притащилась из сказочно прекрасного города, где как сыр в масле каталась, в сибирскую глухомань? Что за блажь ее одолела? Папаше деньги девать некуда, а дочка живет в развалюхе, печку дровами топит, стирает в корыте. Богатство людей портит!

– У тебя родители жадные, да? – спросила-таки сестра. И сама же ответила: – Сразу видать – скупердяи! Они тебя в ссылку отправили, как революционерку. Чтобы ты образумилась. Чем ты их допекла?

– Ничем, – сказала Астра и подумала, что это не так.

Ох, и допекла она отца с матерью, до самых печенок достала. Но они ее не отсылали, сама уехала.

– Значит, самодуры они! – рубанула Катя. – Изверги! У нас тоже таких хватает. Мой папаша хоть и пьющий, и погулять не промах, но добряк редкий. Когда деньги есть, он для меня не жалеет. В прошлом году сережки золотые купил, с камешками, и на продукты оставил. Почти на два месяца хватило.

Отец Кати приходился Астре дядей по матери, он был геологом и проводил жизнь на колесах, в палаточных лагерях и экспедициях. Заработанные деньги тут же спускал на водку и многочисленных жен с детьми. Астра видела его один раз, когда он приезжал в Москву и зашел навестить столичную родню.

Собственно, не вздумай Катерина написать Ельцовым письмо, они бы не узнали о ее существовании.

Приезд Астры оказался для нее полнейшей неожиданностью. Но Катя обрадовалась. Когда гостя наотрез отказалась жить у них в доме, она даже всплакнула от обиды. Брезгует москвичка, небось грязи боится.

– У нас чисто, – уговаривала приезжую родственницу Катина мама. – Бедно, правда, так и у других не лучше. Я и поесть сготовлю, и постираю. Мы белье полоскать на речку ходим, с непривычки-то несподручно тебе будет.

– Приспособлюсь, – упрямо твердила Астра. – Я хочу простую жизнь узнать. И побыть одна... совсем.

Она говорила часть правды. На самом деле суровый быт должен был послужить палочкой-выручалочкой, помочь ей не сойти с ума от мыслей, которые роились в ее голове. Физический труд – действенное лекарство от безумия.

Астра привезла с собой старинное зеркало в бронзовой раме. Лучше, чтобы его никто не видел. Из-за этого зеркала, как она полагала, расстались с жизнью по меньшей мере пять человек¹. Их число может увеличиться.

Не исключено, что она все придумала и зеркало не имеет прямого отношения к этим смертям. А если имеет?

¹ Читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Магия венецианского стекла».

Глава 2

Москва

В свои почти сорок пять лет Инга Теплинская выглядела на тридцать. Точеная фигура, гладкая кожа, густые светлые волосы, натуральные, не крашенные.

– Как тебе это удастся? – завистливо спрашивали подруги. – Пластику делала?

Инга была принципиальной противницей пластических операций ради поддержания молодости. Что-то нечистое и нечестное есть в этой попытке обмануть природу при помощи хирургического скальпеля, суетливое и мелочное. Возраст следует принимать и нести с достоинством. Впрочем, как и все, что выпадает человеку.

Бывшая балерина, она давно оставила сцену – сразу после замужества – и ни разу не пожалела. Закулисные интриги, злые сплетни, коварство, козни, которые артисты строили друг другу, пришлось ей не по нраву. Она станцевала только одну ведущую партию, и то потому, что солистку Ермолину прихватил аппендицит. Радоваться чужому несчастью – гадко. Инга возненавидела себя за восторг, который она испытала, выпорхнув на сцену под дивную музыку Чайковского *вместо* заболевшей Ермолиной.

Балетная жизнь изнурительна и физически, и морально: труд до седьмого пота у станка, вечное чувство голода, боль в спине, в натруженных, натертых до крови ногах, отсутствие свободного времени, страх потерять форму, остаться за бортом, неуверенность в завтрашнем дне.

«Наверное, балет не мое призвание, – призналась себе Инга. – Иначе невзгоды закаляли бы меня, а не лишали сил. Я не настолько люблю танцевать, чтобы провести в массовке всю молодость, проливая злые слезы и желая более удачливым балеринам сломать ногу. Надо уходить, как ни обидно, как ни жаль потраченных впустую лет».

В тяжелую минуту судьба сделала ей подарок – встречу с Михаилом Теплинским, генеральным директором крупного предприятия, поклонником ее таланта. Именно в тот вечер, когда Ермолину с приступом аппендицита увезли в больницу, а Инга танцевала *вместо нее*, Теплинский пришел в театр, увидел балерину и влюбился без памяти. Она казалась ему *сильфидой*, бесплотным духом, парящим в воздухе под божественные звуки скрипок и флейт. Преодолевая смущение и несвойственную ему робость, Михаил Андреевич дождался окончания спектакля, подошел к Инге и заявил, что отныне он ее раб, которым она может повелевать и требовать все, что ей будет угодно.

Инге было угодно выйти замуж и бросить балет. Теплинский ей понравился, но о любви речь не шла. «Я буду ему хорошей женой, – успокаивала она свою совесть. – Доброй и преданной. Он не раскается, что предложил мне руку и сердце!»

Их брак оказался неожиданно счастливым. Чем ближе молодая жена узнавала Михаила, тем сильнее к нему привязывалась. Он был умен, решителен, нежен в постели, щедр и трогательно ласков с супругой. Может, Теплинский имел любовниц на стороне, но Инга о них не знала. Муж ни в чем ей не отказывал, потакал ее прихотям и ни разу не упрекнул, что она ушла из балета.

– Хочешь, я куплю тебе танцевальный зал? – однажды предложил он. – Откроешь балетный кружок для детей.

Инга согласилась. Со сладкой тоской она вновь надела трико, пуанты и встала к станку. Быстро вернула былые навыки. Балетный кружок? Почему бы и нет?

Занятия с маленькими девочками и мальчиками развлекали ее, потому что собственных детей у Теплинских не было. Хотя до Инги Михаил Андреевич уже был женат и от первого брака имел дочку и сына.

Инга пошла в специализированную клинику и узнала, что никогда не сможет стать матерью.

– Редкая патология, – развел руками профессор. – Лечению не поддается.

– А за границей?

– Бесполезно. – Он сочувственно покачал головой. – Только деньги зря потратите.

Она не сразу вернулась домой, долго бродила по улицам, жалея себя, упиваясь своим горем. Как сказать об этом мужу? Он деликатно молчит, не задает никаких вопросов. А сам, наверное, страдает, мучается. Женился второй раз, и опять неудачно.

Вечером она глотнула коньяка для храбрости и... призналась:

– Я бесплодна, Миша. Не смогу родить тебе ребенка. Никогда, понимаешь?

– И не надо, – спокойно ответил он, поглаживая ее по руке. – У меня уже есть дети. Я люблю тебя. Разве нам плохо вдвоем?

– Почему ты развелся со своей первой женой?

– Сначала она хотела денег, потом начала устраивать скандалы по любому поводу, затем спуталась с моим заместителем... В общем, пошлая и гнусная история. Да и не любил я ее. Потому, наверное, не спешил домой, дневал и ночевал на работе.

– Зачем же тогда женился?

– Сам не знаю. Пока тебя не встретил, я как будто спал. Все женились, и я женился. Ты не горюй из-за детей, нет так нет. Раз бог не дает, ему виднее.

Инга еще неделю поплакала и успокоилась. Дети Теплинского приезжали к ним на выходные, иногда на праздники, и она привыкла к ним, начала считать своими. Бывшая жена Вера ревновала, устраивала разборки по телефону:

– Ты у меня мужа увела, а теперь за детей взялась? Их я тебе не отдам! Своих нет, так ты решила моих сманить?

– Они мне не чужие, – возражала Инга. – Миша им отец.

– Ну, да! Как же! Мужика прибрала к рукам, деток готовых, плохо ли? Ни нянчить не надо, ни ночей не спать... просто задобрить подарками, денежками из отцовского кошелька. Ребята и потянутся к роскошной жизни! Они же глупые еще, ничего не понимают. Ненавижу таких, как ты! Нагулялась, сколько хотела, пришла и разорила чужое гнездо!

– Не гуляла я. Вкалывала как проклятая...

– Ну да? Пока я помогала мужу на ноги встать, детей его вынашивала да рожала... ты фигуру соблюдала и по сцене прыгала! Голыми коленками сверкала!

Эти две женщины говорили на разных языках, и пути к примирению у них не было.

– Знаю я вас, балетных! – зло усмехалась Вера. – Шлюха моих детей воспитывать не будет!

Инга молчала, слушала. Могла бы сказать, что с Теплинским она познакомилась, когда тот уже был разведен, но не стала. Зачем сыпать соль на раны? У людей есть привычка причинять боль другим, чтобы смягчить собственную. Инга не принадлежала к их числу.

От балета у нее остались прямая осанка, крепкие мышцы, тонкая талия, привычка быть в форме и умение терпеть. Она не собиралась создавать конфликт, к которому ее подталкивала Вера. Миша и дети не должны страдать из-за женских обид.

Инга была из тех женщин, для которых весь смысл существования сосредотачивается на любимом человеке. Через несколько лет супружеской жизни она осознала, что полюбила мужа всем сердцем. Брак по расчету превратился в брак по любви. У нее не было никого ближе и роднее Михаила, и все ее мысли и устремления замыкались на нем. Достаток, уверенность в завтрашнем дне, свой просторный уютный дом и даже балетный кружок, как отдушина и возможность самореализации, появились у Инги благодаря ему. Она сумела оценить Теплинского и как мужа, и как любовника, и как друга.

Упреки Веры задели ее, хотя не имели под собой почвы. До Михаила Инга не переживала сколько-нибудь серьезных романов. У нее были поклонники в юности, когда она уже выходила на сцену танцевать «у озера» или «у фонтана», – особенно один, который проходу ей не давал. Поджидал после спектаклей, дарил цветы, приглашал в кафе. Они могли позволить себе кофе с пирожными, порцию эскимо, лимонад. И от всего Инге приходилось отказываться – диета.

– Мне нельзя набирать вес, – говорила она, чуть не плача.

Как ей, молодой девушке, хотелось тогда мороженого, конфет, шоколадного торта, жареной картошки, наконец! Балетная жизнь разрешала скудные удовольствия: сон, короткий дневной отдых, редкие прогулки, строго ограниченный набор продуктов, но и того не вдоволь, впроголодь. Сколько мучений приходилось переносить ради нескольких минут танца, когда за огнями рампы в замершей темноте зала следят за обманчиво легкими па красавиц-балерин сотни восхищенных глаз...

Робкий обожатель встречал ее с букетиком фиалок. Она до сих пор помнила их тонкий сладковатый аромат. Почему она не ответила молодому человеку взаимностью? Наверное, слишком уставала, слишком выматывалась, слишком растрчивала себя на репетициях, чтобы полюбить кого-нибудь... кроме балета.

Голос мужа вывел Ингу из задумчивости. Оказывается, она сидит в гостиной с эркером и смотрит в большое, во всю стену, окно, на медленно падающий снег. Белые деревья, синее небо... и сыплющиеся сверху снежинки. Как в театре! Неужели она все еще тоскует по балету? Неразделенная любовь.

– Никонов приезжает, – сказал Михаил Александрович. – Будет давать концерты. Я заказал нам билеты. – Он поцеловал жене руку, длинную изящную кисть, слабо пахнущую духами. – Ты ведь не против?

Инга обрадовалась. Она соскучилась по живой музыке, по звукам оркестра, по неповторимой атмосфере зрительного зала.

– Что ты решила с портретом?

Она скривилась. Напоминание о возрасте вызвало мимолетную грусть. Ей уже скоро сорок пять! На юбилей любящий супруг решил сделать Инге оригинальный подарок: заказать модному художнику ее портрет.

Годы пролетели, как дуновение ветерка... беззаботные, счастливые. Замужество положило грань между *балетной* и *семейной* жизнью. Первая, полная лишений, труда, слез, крови и пота, осталась в сердце волшебной сказкой. Вторая, изобильная, роскошная, поженски удавшаяся, позволившая Инге осуществиться как жене и возлюбленной, отчего-то стала скучна и... пуста. Вроде бы есть все... Откуда же берутся смутная печаль, безысходность, трагический надлом? Чего не хватает? Воистину непостижима душа человеческая.

Не бездетность тяготила Ингу – она сумела перенести материнские чувства на Мишинных детей, заботилась о них, как о родных, и начала считать их своими. Не охлаждение Михаила Андреевича удручало ее. Не может зрелый мужчина, у которого уже пробивается седина, быть таким же восторженным и пылким, как двадцать лет назад.

В последнее время госпожа Теплинская страдала бессонницей. В душу вкралось ожидание беды... беспричинный страх.

– Это гормональное, – успокоил семейный врач. – Попьете таблеток, и все как рукой снимет.

Инга принимала на ночь снотворное и засыпала, а утром вместе с ней просыпался страх. Что ее пугало? Всё... Словно померкло ясное небо, сгустились тучи и в воздухе запахло грозой.

– Как насчет портрета, дорогая? – спросил муж. – Ты определилась? Тебе придется позировать...

– Ну уж нет! Пусть пишет по фотографии. Дай ему видео на крайний случай. Михаил Андреевич смирился. У жены есть причуды, на то она и женщина.

– Я предлагаю на твой выбор двоих живописцев: Заруцкого и Домнина. Оба в расцвете славы, оба дерут бешеные деньги за работу. Но нам не пристало мелочиться. На ком остановимся?

Инга не увлекалась живописью и полностью доверяла вкусу мужа.

– Выбери сам. Только натурщицей я не буду. И вообще... мне что-то не по себе.

– Хорошо. Я дам художнику наше семейное видео, – согласился он. – Может, тебе отдохнуть? Съезди в Италию, развейся. До твоего дня рождения еще целый месяц.

– Ах, Миша... разве я переутомилась? От чего?

– Сменишь обстановку, полюбишься Вероной, Миланом, готическими соборами, сходишь в оперу.

– А концерт?

– До приезда Никонова ты успеешь вернуться.

– Нет, я из Москвы никуда не поеду. Брось ты свою политику, Миша! – вырвалось у нее. – Как бы чего не случилось! Тошно мне... на сердце будто камень лег.

Инга связывала свое беспокойство с новым занятием супруга. Теплинскому наскучило зарабатывать деньги, и он решил отведать власти.

– Отступить поздно, милая. Провалюсь на выборах, тогда... поглядим.

* * *

Знаменитый скрипач Влас Никонов в промежутке между зарубежными гастролями решил дать два концерта в Москве. Полтора года назад он женился, и молодая супруга ожидала первенца. Она рвалась домой, к матери, и вопреки советам друзей и знакомых, пожелала рожать в России.

– Не хочу, чтобы мой сын сделал первый вдох на чужбине, – заявила она.

Влас не стал возражать. Во-первых, он слишком любил Дину и не мог ни в чем отказать ей. Во-вторых, был погружен в творческие грезы, готовился к выступлениям и жил в большей степени музыкой, нежели семейными проблемами. Какая разница, где рожать? За хорошие деньги и в Москве все пройдет гладко.

Блестящая пара поселилась у тещи. Просторная квартира бывшей оперной певицы Олениной помнила многих выдающихся артистов, музыкантов и художников. На стенах висели фотографии хозяйки в костюмах из разных спектаклей, портреты певцов и композиторов; почетное место в гостиной занимал рояль. Огромные напольные вазы не вмещали цветов, преподнесенных восторженными поклонницами... только уже не Олениной, а ее зятю.

– Какие они назойливые! – пожаловалась матери Дина, вынимая и просматривая прикрепленные к роскошным букетам карточки. – Неужели не понятно, что у Власа есть жена? На что они рассчитывают?

Оленина с тревогой наблюдала за ней: последний месяц беременности дочь переносила тяжело – замучили одышка, отеки, огромный живот уже нельзя было спрятать никакими платьями *специального покроя*.

– Никонов красив, талантлив, известен. С таким мужем будет не просто! Я тебя предупреждала, Диночка. Если хочешь сохранить семью, забудь о ревности. Поклонницы и поклонники – часть жизни любого артиста. От этого никуда не денешься. Твой отец не сумел смириться, и мы расстались.

– Они же просто вешаются Власу на шею! Прикажешь терпеть?

– По-моему, вы поторопились с ребенком, – вздохнула Оленина.

Отяжелевшая фигура Дины, нездоровый цвет лица, пигментные пятна и неуклюжая переваливающаяся походка ставили ее в невыгодное положение рядом со стройными, яркими девицами, которые легко выскакивали на сцену, дарили Никонову цветы, тянулись к нему гибкими руками, грудью, губами.

– Так получилось. Влас и слышать не хотел про аборт.

– Ну, да... в общем-то, правильно. Только он выступает с концертами, собирает аншлаги, публика неистовствует, а ты сидишь дома и пьешь таблетки. То ли еще будет? Младенец тебя привяжет к плите, стиральной машине и, не дай бог, к детской поликлинике. Никонов няню нанять не позволит, я уже заговаривала с ним на эту тему. Он считает, что детей должны воспитывать родители.

– Ты против?

– Конечно, нет! – рассердилась Оленина. Неприятный у них с Диной получается разговор. – Да ведь скрипач должен играть и никогда не променяет сцену на бдения у детской кровати. Влас без музыки дышать не может, он сбежит от тебя к своей скрипке, а ты превратишься в склочную, недовольную жизнью домохозяйку и станешь попрекать мужа тем, за что полюбила, – его страстью к творчеству.

По щекам Дины потекли слезы. В словах матери звучала горькая, жестокая правда. Музыкант – это не профессия. Это образ жизни. Но что же делать? Дина тоже закончила консерваторию по классу вокала, но ее слабенький голосок не шел ни в какое сравнение с ее потрясающей внешностью. Лицом и фигурой она удалась в мать, а вот на талант бог поспешил.

«Знаменитой певицей мне не стать, – честно признала Дина и ответила на чувства Никонова, с которым познакомилась на мамином бенефисе. – Зато я стану женой знаменитого скрипача!»

Влас влюбился с первого взгляда. Тем более что он обожал, боготворил Оленину, и перенес это обожание на ее дочь. Они были так похожи!

Беременность жены Никонов воспринял с воодушевлением, преподнес ей изящный бриллиантовый гарнитур, который стоил приличных денег, расцеловал и... укатил на гастроли. Дина боролась с токсикозом, а супруг получал аплодисменты и гонорары. Он блистал, она сдавала анализы и ходила по докторам. Когда ей немного полегчало, Влас взял ее в турне по Европе. Но почти все время молодая женщина проводила в гостиничных номерах: прыгало давление, кружилась голова, тошнило. В Вене ей пришлось на неделю лечь в больницу.

Никонов оставил ее на попечение врачей и продолжил турне.

– У меня контракт, – объяснил он растерянной Дине. – Если я сорву концерт, придется платить неустойку.

Рожать она твердо решила в Москве. Хоть мама будет рядом, *если вдруг что*. Дома и стены помогают.

По приезду в родные пенаты Дина перевела дух... увы, ненадолго. Здесь Никонова начали осаждать поклонницы: осыпать подарками, звонить, приглашать на светские вечеринки. За границей натиск сдерживали языковой барьер и другой менталитет – в Москве плотину прорвало.

Оленина смотрела, как дочь читает, краснеет, нервничает, рвет на мелкие клочки записки в надушенных конвертах... и молчала. А что скажешь? Артист в первую очередь принадлежит публике, а потом уже близким. Не принимать цветов нельзя – этикет требует уважать зрителей и слушателей. В конечном итоге именно ради них, для них играет на скрипке Влас.

– Мама, что это? – застыла Дина с запиской в руке. – Боже мой! В зале полно сумасшедших! Что им стоит выстрелить в Никонова?

– Не говори ерунды...

Оленина взяла из ее рук сложенный вдвое листок бумаги с напечатанным текстом.
«Осталась неделя. Не отгадаешь мою загадку – умрешь. Сфинкс».

Глава 3

По субботам Матвей Карелин проводил занятия с группой подростков. Военно-спортивный клуб «Вымпел» заслуженно гордился его ребятами. Недавно они устроили показательные выступления по русскому бою – любо-дорого было смотреть. А ведь каждый пацан по-своему «трудный»: одним грозила колония, другие баловались наркотиками, третьи пытались свести счеты с жизнью.

Карелин находил ключик к каждому, умел заинтересовать собственной «философией выживания», приохотить к физическим упражнениям, к экстремальным условиям в пеших походах. Он обладал природным педагогическим даром, хотя профессия инженера-конструктора предполагала иные качества.

Его частное конструкторское бюро «Карелин» медленно, но успешно развивалось, давало прибыль, и Матвей подумывал о расширении. С другой стороны, бизнес и так занимал много времени. Если увеличить штат и брать больше заказов, совсем засосет. Некогда будет даже в Камышин наведаться, в домик бабушки Анфисы, на лыжах походить по лесу, в баньке попариться. Февраль нынче выдался снежный, морозный, благоприятный для зимних забав, подледной рыбалки и прочих деревенских радостей.

– Махну-ка я за город! – решил Матвей. – Ребят с собой возьму, научу их сооружать убежища в снегу, костер разводить.

Лариса, его любовница, до мозга костей горожанка, и слышать не желала о прогулках на природе.

– В такой мороз? – ужаснулась она, едва Карелин заикнулся о пикнике на снегу. – Ты в своем уме? Лучше пригласи меня в японский ресторан.

– Есть сырую рыбу? Нет уж, уволь. Тебя не воротит от рисовой водки и соевого соуса? Я предпочитаю традиционную русскую кухню: пельмени, осетринку с хреном, рыжики в сметане.

– От такой пищи разнесет в два счета. Придется на диете сидеть.

Постоянные диеты вошли в привычку многих женщин; *похудение*, о котором раньше никто не слыхивал, превратилось в некий дамский спорт. Матвей этого не приветствовал.

– Человек имеет определенное телосложение, заданное генотипом, – не раз объяснял он Ларисе. – Насилие над природой к добру не приведет.

– Что же теперь, жиром заплыть? – возмущалась она. – Ты же первый начнешь на других засматриваться, гибких и стройных.

«Уже начал, – подумал Карелин. – Только степень упитанности не имеет к этому никакого отношения».

Он продолжал встречаться с Ларисой, хотя думал об Астре Ельцовой. Он изредка звонил ей в Богучаны, но разговор получался сухим, неискренним и официальным. Матвей не мог найти подходящих слов, да и она, казалось, тяготилась этими пустыми беседами. *Привет, как дела... Ничего не значащие фразы, ровная интонация, длинные паузы. Ладно, пока... звони... и ты звони...*

А что было говорить, о чем спрашивать? В то же время Карелину хотелось услышать ее голос, – пусть натянуто безразличный, – чувствуя в паузах все невысказанное, неопределенное, неосознанное до конца ни им, ни ею. Но без этих коротких, нелепых звонков ему уже было не обойтись.

Матвей не верил в дружбу между мужчиной и женщиной. Не верил он и в любовь. Он нуждался в тех странных *флюидах*, которые исходили от Астры, в ее абсурдных, порой безумных рассуждениях, в том, что не поддается житейской логике и чего нельзя объять